
Марианна Муравьева

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И СОВРЕМЕННЫЕ СЕМЬИ: ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТРАДИЦИИ И МОДЕРНУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются правовые подходы к концепции традиционных ценностей в России. Обращаясь к текстам законов, программных документов и подзаконных актов, рассматривается конструирование традиционных ценностей с помощью правовых инструментов. Основная идея статьи заключается в том, что использование концепции традиционных ценностей указывает на стратегии поиска идентичности в различных сферах, превращающие частную жизнь и семью в лабораторию по изучению возможностей изменения современной ценностной системы россиян. Сделан вывод о том, что попытка ввести традиционные ценности оказалась неудачной по причине отсутствия единства мнений внутри политической элиты и преобладания модернистских взглядов на семью и социальную политику среди российского населения. Автор утверждает, что современный политический курс развивается в русле традиционного модернизма, сопоставимого с попытками построения характерного для раннего нового времени национального государства на основе ресурсной экономики.

Ключевые слова: традиционные ценности, толкование права, семейное право, Россия, модерн

Традиция, ценности и постсоветское общество

В качестве концепции традиционные ценности постепенно отвоевывают себе место в российском политическом и юридическом дискурсивном

Марианна Муравьева – к.и.н., профессор, ведущий исследователь по программе Мари Кюри, Университет Оксфорд Брукс, Великобритания. Электронная почта: muravyevam@gmail.com

пространстве. В последнее время ведется активное обсуждение традиционных ценностей; консерватизм открыто признается положительной политической и социальной концепцией, что получило отражение в обращении Президента к Федеральному Собранию в декабре 2013 г. (Послание 2013). В то же время законодательные инициативы правительства по включению традиционных ценностей в нормативный социальный порядок затронули, прежде всего, семью и сферу социального обеспечения, что напрямую влияет на основные права человека, такие, как свобода, независимость, право на частную жизнь в области использования полицейских инструментов контроля над частной жизнью граждан. Исследователи относят данные инициативы к консервативным или даже неоконсервативным (Печерская 2013) и рассматривают их в связи с такими понятиями, как «консервативная мобилизация» (Sherstneva 2014) и «гендерный откат» (Temkina, Zdravomyslova 2014).

Традиционные ценности включают в себя два важных компонента: традиции и ценности. Оба концепта тесно взаимосвязаны с историческими и социологическими методологиями, определяющими их содержание и функционирование. Более того, как только они появляются в юридической сфере, в целях правильного применения их необходимо привести в соответствие с правовыми ценностями и юридической традицией. Социология ценностей предлагает сложные и подробные типологии и иерархии ценностей, которые многие исследователи считают одной из основных социологических категорий (Wuthnow 2008). Традиционные ценности понимаются в качестве системы представлений или нравственных правил, передающихся от поколения к поколению внутри конкретного сообщества (Inglehart, Baker 2000). В этом отношении, содержание традиционных ценностей может варьироваться в разных обществах и культурах, однако, исследователи часто выделяют такие обязательные институты как религия и семья (Bronner 2000).

В российских условиях наиболее полезной с точки зрения обеспечения теоретической рамки для объяснения возрождения традиционных ценностей посредством юридических инструментов является концепция базовых человеческих ценностей, разработанная Шаломом Шварцем (Schwartz 1992, 2012). В 1997 г. Шварц в сотрудничестве с Анатом Барди предложил модель «ценностной адаптации» на примере восточно-европейских стран. Ученые проанализировали взаимосвязи между различными ценностями в странах Восточной и Западной Европы и обнаружили, что в Восточной Европе граждане были склонны придавать большее значение таким ключевым ценностям, как консерватизм и иерархичность. Скорее всего, данная ситуация явилась результатом жизненного опыта при коммунистических режимах, которые требовали от своих граждан принятия политики и решений, касающихся всех сторон жизни, задаваемых теми, кто находился в позиции власти внутри системы. Это

тем не менее не означало, что люди активно поддерживали режим или соглашались с его действиями; это показывало, что люди приспособились к действующему режиму (Schwartz, Bardi 1997). Таким образом, вместо того чтобы обозначать поворот в сторону традиционных ценностей как «внезапный» или «неожиданный», теория Шварца позволяет обратить внимание на механизмы приспособления, которые люди задействовали с целью адаптации в условиях постсоветских трансформаций и потрясений. Таким образом, следовало ожидать, что традиционные ценности и консерватизм станут важными концепциями в определенный момент постсоветского развития. Отталкиваясь от данной точки зрения, в статье дается анализ конструирования традиционных ценностей посредством таких юридических инструментов как подзаконные акты в виде концепций государственной политики в определенной сфере, а также посредством методов юридической интерпретации с целью формулирования концептуальной рамки, которой оперируют законодатели и политические лидеры в РФ.

Семья как основа традиционных ценностей

Как выглядят российские семейные ценности?

С юридической точки зрения российскую семью вряд ли можно назвать традиционной или консервативной. Более того, дать единую характеристику также сложно в силу этнического, культурного, религиозного и регионального разнообразия Российской Федерации. Семейный кодекс 1995 г., продолжая советскую правовую традицию, определил брак как добровольный союз, в котором гарантировались равные права и обязанности супругов, родителей и детей в качестве основных принципов брачно-семейного законодательства (СК РФ ст. 1). Брак также является гетеросексуальным союзом (ст. 1.3) и остается светским институтом (ст. 1.2). В брачно-семейном праве запрещается дискриминация по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 1.4). Взятые вместе данные принципы свидетельствуют в пользу современного понимания брачного союза в качестве гражданского договора между свободными и равными лицами разного пола. Однако, в кодексе 1995 г. уже содержались две основные проблемы: отсутствие четкой артикуляции запрещения дискриминации по половому признаку (не упоминается в ст. 1.4) и содержащееся в ст. 1.4 разъяснение о том, что права граждан могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи (прежде всего, детей) и иных граждан (ст. 1.4 в совокупности со ст. 55 Конституции РФ). Другими словами, эти положения создали почву для ретрадиционализации семьи как гетеросексуального союза и ее понимания в качестве репродуктивной ячейки общества.

Исследователи продемонстрировали устойчивую связь между пониманием семьи в качестве репродуктивной ячейки общества и недавней пронаталистской риторикой правительства и президента, сосредоточивших свое внимание на укреплении семьи в качестве способа достижения демографического роста и возвращения России ее величия (Печерская 2012: 331–332). Такое понимание семьи уходит своими корнями в эпоху Просвещения, для которой было характерно определение семьи с позиций камерализма, то есть источника роста населения (Steinmetz 1993: 21–25). Пронатализм, понимаемый как инструмент стимулирования экономического роста и государственного благосостояния посредством управления человеческими ресурсами и контролем над семьей, при поддержке так называемых «полицейских наук» превратился в существенный элемент «полицейского государства», которое активно развивалось в Германии, Австрии и России во второй половине XVIII в. (Raeff 1983). С тех пор связка между ростом населения и экономическим благосостоянием понималась в качестве предпосылки существования социального государства, особенно той его формы, которая сложилась в СССР (Hoffmann 2011). Более того, камерализм также обеспечивал и формирование образа правителя (любого типа) в качестве главы расширенного домохозяйства – государства – с патриархальной точки зрения (Loughlin 2010: 417–422; Muravyeva 2013). Данные идеи глубоко инкорпорированы в советское и постсоветское семейное право и являются частью правового обеспечения вмешательства государства в частную сферу для укрепления контроля над семьей и ее членами.

В то же время советская политика гендерного равенства и участие СССР и России в международных договорах добавили новые элементы в брачно-семейное законодательство. Так, советская семья выступала эгалитарным партнерством с приоритетом заботы о детях. Таким образом, советская и постсоветская семья не являются патриархальными (что составляет основной элемент традиционных ценностей) с юридической точки зрения. Посвященные семейным ценностям исследования показали, что семья и семейные ценности важны для россиян. Маргарита Фабрикант и Владимир Магун на основе данных Европейского исследования ценностей сделали вывод, что Россия является страной со средневысоким уровнем традиционности и консерватизма в отношении семейных ценностей, особенно по параметрам детности брака, важности наличия семьи и опыта материнства для женщин. В то же время россияне менее консервативны, чем европейцы в отношении к матерям-одиночкам и абортam, демонстрируя высокий уровень понимания данных ситуаций. Интересно, что, согласно исследованию, россияне стали более либеральными по отношению к гомосексуальности в последние 25 лет (Фабрикант, Магун 2014).

Данные Мирового исследования ценностей (World 2014) в целом совпадают с Европейским исследованием в интерпретации Фабрикант и Магуна. Позиция россиян в отношении двух важнейших социальных институтов –

религии и семьи – не изменилась между серединой 1990-х гг. и 2011 г. (когда собирались данные). Тем не менее важность религии теперь признают на 10% больше чем в середине 1990-х. В то же время, признание важности семьи остается на том же высоком уровне. В 2011 г. россияне толерантно относились ко всем формам брака (v43: зарегистрированные/незарегистрированные союзы) за исключением однополых союзов (v203: 54% сочли гомосексуальность неприемлемой, 20% – малопримлемой). Значительнее всего отличаются от традиционных позиций взгляды россиян на положение женщин в семье и баланса карьеры и заботы о детях. Россияне не считают, что дети работающих матерей страдают от этого (v50) или большой заработок жены вызывает проблемы в семье (v47 и v48). Большая часть респондентов согласилась с утверждением, что работа домохозяйки может приносить удовлетворение, как и любой другой оплачиваемый труд. С этим, однако, согласилось больше женщин (80%) нежели мужчин (60%) (v54). Высокий уровень толерантности по отношению к занятости вне дома свидетельствует о важности роли женщин на рынке труда и нежелании его покинуть ради семьи, чтобы заниматься только воспитанием детей и обслуживанием мужа.

Более того, аборт и разводы оказались приемлемыми в зависимости от обстоятельств (v204 и 205), так же как и добрачный секс (v206). Абсолютно не приемлемо оказалось домашнее насилие в любой форме: супружеское, в отношении детей и других членов семьи – 75% (v208–210). Таким образом, картина, которую мы видим, представляет общество, сосредоточенное на семье, как основном социальном институте. При ответах же на вопросы о целях государства, большинство высказались в пользу экономического роста и более внимательного отношения к их мнению по поводу вопросов занятости и общественной жизни (v60 и v61). Таким образом, россияне явно предпочитают счастливую семью в богатой стране с гарантией рабочего места и возможностью участия в общественной жизни. Именно эти ценности должны учитывать законодатели и политики при продвижении концепции традиционных ценностей. Проанализируем как подзаконные документы, такие, как концепции государственной политики в определенной сфере и другие юридические инструменты, соотносятся с описанными выше ценностями.

Концепция государственной семейной политики и обсуждение традиционной семейной организации

Единственным документом, который содержит более или менее адекватное описание традиционных ценностей и традиционной семьи, является проект Концепции государственной семейной политики, разработанный депутатом Государственной Думы Еленой Мизулиной в 2013 г. (Концепция 2013), уже подвергся неоднократной критике ученых и экспертов как достаточно реакционный документ, который отличается противоречивостью, проблемностью определений и утверждений, а также является плагиатом

(см. Печерская 2013; о плагиате – Лукьянова 2013). Мне хотелось бы проанализировать документ в качестве источника взглядов на традиционную семью и предлагаемых подходов к спасению семьи из кризиса.

Проект концепции ставит своей целью укрепление семьи и ее благополучия в целях улучшения демографической ситуации и борьбы с сиротством. Авторы надеются, что к 2017 г. семья с двумя детьми станет новой демографической нормой, а также увеличится число многодетных семей (с тремя и более детьми). Другие цели включают в себя сокращение числа рождений детей вне брака, числа абортотв за счет отказа беременных женщин от их проведения, уменьшение численности детей-сирот, сокращение числа детей, отобранных у родителей, создание условий для модернизации детских домов и повышения благополучия семей с маленькими детьми (Концепция 2013: 5:1). К 2025 г. планируется увеличение числа многодетных семей и рождаемости, сокращение числа неполных семей, показателя разводов, числа абортотв в 2 раза и числа «брошенных» престарелых родителей (Концепция 2013: 5:2). Для достижения данных целей в документе продвигается идея возрождения так называемой традиционной семьи и традиционных ценностей.

В проекте концепции традиционная семья выступает не только как союз супругов, детей и родителей, но и как духовный союз, «малая церковь» (Концепция 2013: 1:1). Такая откровенная аналогия с пониманием семьи в качестве «малой республики» (или малого государства), распространенного в раннее новое время, еще раз подчеркивает реинтерпретацию в современных условиях проекта строительства национального государства на основе домохозяйства, выступающего в качестве «первичной ячейки социального контроля» (см. Narvey 2012; Muravyeva 2013). Основой традиционной семьи становится союз мужчины и женщины, базирующийся на регистрации в ЗАГС или совершаемый в соответствии с религиозными традициями, заключенный с целью рождения трех и более детей. Остальные традиционные семейные ценности состоят из уважения к родителям, добровольности, ведения совместного быта и проживания под общим кровом, устойчивости брака, связанной с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению (Концепция 2013: 1:4). Главным новшеством здесь является признание церковного брака, несмотря на то, что в России с 1918 г. государство настойчиво сохраняет контроль за любым видом регистрации гражданских сделок и актов, включая брак. Такая политика проводилась в противовес дореволюционной практике, когда все браки заключались в церкви. Проект концепции предлагает альтернативный тип регистрации брака, при котором государство должно поделиться своими контрольными функциями с религиозными институтами. В документе содержится отсылка к «религиозным традициям», что включает длинный список конфессий, то есть православную церковь, другие христианские церкви, исламские, буддистские и иные религиозные организации.

Для приведения концепции в действие необходимы серьезные изменения в семейном и гражданском кодексах, а также в любом документе, касающемся любого типа гражданской регистрации.

И все же государство в итоге сохранило приверженность принципу светскости и поддержку в области социальной политики и конституционных норм, несмотря на постулируемые в проекте риски для демографии. В финальной версии Концепции, которая была введена в действие Распоряжением Правительства РФ в августе 2014 г., не содержится никаких упоминаний о религии. Согласно документу, к традиционным семейным ценностям относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанном на государственной регистрации в ЗАГС, заключаемом в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанном на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующемся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанном с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению (Концепция 2014: III). Как мы видим, это – переработанное определение из проекта концепции, которое возвращает нас к стандартному пониманию семьи в советском и постсоветском праве и социальных науках. Более того, документ полностью фокусируется на социальном обеспечении и экономических мерах по повышению благосостояния семьи и на мерах по борьбе с катастрофической ситуацией, в которой находятся дети-сироты. Единственной мерой для улучшения демографической ситуации в финальной версии Концепции остается сокращение разводов; однако сама по себе она вряд ли может рассматриваться в качестве традиционной (Концепция 2014: VI–VII). В отличие от проекта концепции, в финальном документе не содержится упоминания аборт, детей, рожденных вне брака, и других негативных с точки зрения проекта явлений.

Финальный вариант Концепции также отличается от проекта в части рефлексии по поводу современной семьи. В проекте утверждается, что современная семья отличается от традиционной семьи из-за высокого показателя разводов, детей, рожденных вне брака, сожительства вне брака, детей-сирот, малого количества больших многопоколенных семей и высокой степени «взаимного отчуждения супругов» (Концепция 2013: 2:2). Все эти показатели свидетельствуют о кризисе семьи. Отдавая должное недавним мерам правительства по улучшению демографической ситуации (Концепция 2013: 2:3), проект прежде всего объясняет причины недостатка традиционных семейных ценностей и затем предлагает меры по улучшению ситуации. Социальные эксперименты 1917–1920 гг., неправильная интерпретация международного права (особенно, Конвенции прав ребенка, которая, по мнению авторов концепции, была неправильно понята как документ утверждающий приоритет прав ребенка) и аборт видятся в качестве главных препятствий для реализации традиционных семейных ценностей. Очевидным результатом этих явлений являются универсальные «социальные про-

блемы»: недостаток дошкольных учреждений, социальной поддержки семей с детьми и прочие. Для решения данных проблем, утверждается в проекте концепции, общество должно полагаться на семейные традиции, то есть на признание авторитета родителей и приоритета их прав и обязанностей по отношению к детям, усиление сотрудничества между государством и церковью, на приоритет предоставления мер поддержки семьям, имеющим детей, а также на признание воспитания детей не только частной, но и общественно значимой деятельностью. Эти меры должны разрешить текущий демографический кризис, то есть создать благополучную семью (Концепция 2013: 3:1).

По сравнению с проектом концепции финальная версия не содержит «негативно-осуждающей» части, сосредоточена на описании текущих позитивных изменений в семейной политике и демографической ситуации, а также на определении направлений и сфер для дальнейших реформ, таких, как обеспечение жильем и занятость. Также говорится о насилии в отношении детей как о серьезной проблеме в российской семье. Впервые, в рамках концепции семейной политики, а не профилактики в отношении несовершеннолетних правонарушителей, государство признало необходимость решения проблемы насилия в отношении детей. В то же время в концепции сохранилось упоминание о большой многопоколенной семье как об идеале, со ссылкой на результаты социологического обследования 2010 г., по которому 59% россиян считают такую семью идеальной семейной организацией (Концепция 2014: II).

Предлагаемая в проекте концепции модель традиционной семьи достаточно проблематична, но не по причине ее явной консервативности. Данная модель не имеет никакого отношения к реальной традиционной российской семье; эта модель основана на этнографической фантазии советских ученых, в чьи задачи входила критика дореволюционного традиционного (крестьянского) уклада жизни. Более того, меры социальной поддержки для семей с детьми с ограниченными возможностями или для многодетных семей, включая развитие социальной инфраструктуры, доступа к образованию и улучшение качества медицинских услуг, предлагаемые проектом (Концепция 2013: 3:3), не соответствуют основной характеристике традиционной семьи, то есть ее автономности и независимости от государства. Если отвлечься от политически-ангажированной критики и обратить внимание на научные исследования, то данные показывают, что в российской дореволюционной семье были распространены разводы (Mugavueva 2011; Цатурова 2011; Freeze 1990), не была распространена многопоколенная семья, особенно в городах (Миронов 2003), а высокая рождаемость обеспечивалась высокой, особенно детской, смертностью и достигалась за счет отсутствия противозачаточных средств (Миронов 2003). Более того, во многих семьях практиковался контроль над рождаемостью (Пушкарева 2011). Вплоть до начала XIX в., многие браки не регистрировались в церкви (так

как церковный брак не значился среди приоритетов в крестьянской семье), а уровень рождаемости в незарегистрированных союзах (сожительставах вне брака) был такой же, как и в зарегистрированных. Российское семейное право действительно поддерживало авторитет родителей и преследовало за наличие незаконнорожденных детей, но в то же время наказывало за насилие в отношении супругов и детей (Muravyeva 2011; Muravyeva 2014). Церковь, безусловно, постоянно вмешивалась в частную жизнь семьи, но данное вмешательство обеспечивалось мерами светского государственного принуждения: те, кто не посещал регулярной исповеди, подвергались штрафу, те, кто не соблюдал православных обрядов, наказывались другими методами (Freeze 1977).

Идеал семьи, который депутат Мизулина, православные и неоконсервативные активисты называют «традиционным», скорее является гибридной формой советской семейной организации, в том смысле, что советская семья сохранила определенные элементы дореволюционной семьи, например, многопоколенный состав. В советский период, в связи с изменениями в формах производства и урбанизацией, поколение бабушек и дедушек вынуждены были проживать вместе с основной супружеской парой и заботиться о детях, вести домашнее хозяйство в силу невозможности получить отдельное жилье. В то же время новые элементы, такие как государственная поддержка семьи, приоритет материнства за счет отцовства в контексте прямой связи между демографией и семейной репродукцией, вряд ли позволяют считать такую модель традиционной. Традиционность данной модели придает религия в проекте концепции, так как именно она понимается консервативной и традиционной по определению.

Синтетическая сущность концепции отражает подходы целого поколения законодателей, к которому принадлежит Мизулина. Будучи выпускницей факультета истории и права Ярославского государственного университета, имея опыт работы юристом в качестве консультанта областного суда, а также являясь научным работником, кандидатом юридических наук и заведующей кафедрой русской истории Ярославского государственного педагогического университета в 1987–1990, Мизулина вряд ли является малообразованной женщиной. Более того, то, что она долгое время являлась членом либеральных партий, таких, как Яблоко и СПС, сделало ее неожиданной фигурой для продвижения традиционных ценностей и гомофобного законодательства. И тем не менее принимая во внимание, что проект концепции очень плохо написан, не опирается на исследования, изобилует разного рода неподтвержденными утверждениями и по сути своей просто реакционен, следует осторожно относиться к нему как к манифесту традиционных ценностей российской политической элиты. Как юрист, Мизулина должна понимать, что введение традиционных семейных ценностей в ее интерпретации повлечет за собой кардинальные изменения в семейном праве, наследственном праве (и в целом

в гражданском праве), уголовном праве, международном праве и Конституции РФ. Российские власти, законодатели и политики вряд ли готовы к такому масштабному проекту. Это стало особенно ясным во время обсуждения проекта концепции. За исключением положительных отзывов от консервативной части мобилизованных общественных организаций, другие оценки экспертов и государственных органов оказались критическими к проекту за очевидные противоречия Конституции, особенно в отношении светского характера российского государства, ограничения абортот и прав детей. Самым значимым здесь можно считать оценку проекта, данную Комитетом Совета Федерации по науке, образованию, культуре и информационной политике, которая подвергла критике всю «традиционную» часть проекта (часть II) (Предложения 2013). Более того, резолюция Общественной Палаты РФ ясно подчеркнула необходимость соблюдать Конституцию и другие законы РФ, нежели вводить некие новые и непонятные определения, «такие как семья и традиционные ценности» (Предложения 2013).

Право и традиционные ценности: как заставить их работать

Как отмечено в предыдущем разделе, использование концепции традиционных ценностей в праве влечет за собой несколько фундаментальных проблем в сфере ее применения. Традиционные ценности необходимо охранять, и чтобы предоставить такую охрану, необходимо переосмыслить фундаментальные правовые ценности. Традиционные ценности эффективно функционируют только в рамках консервативной теории права. В последние несколько лет российские специалисты стали предпринимать попытки по реабилитации консерватизма и представлять консервативные идеи в позитивном свете (Васильев 2014). Это повлекло за собой особое внимание к охранительной функции права как основной функции правового государства. Обычно консервативная теория права ставит своей целью обоснование ограничения прав в области частной жизни, семьи и сексуальной свободы с целью максимально возможной консервации прошлого. Такая позиция поддерживается довольно специфической методологией, которая выбирает только определенные традиции в качестве центральных для теории (Dworkin 1986). Именно этим и занимаются российские законодатели в последние пять лет: они прекрасно продемонстрировали свою избирательность в отношении того, какие традиции им хотелось бы возродить и охранять. Имея свое представление о ценностях, большинство из которых концентрируется в рамках частной жизни, законодатели сосредоточили контрольные функции права над телом и общественным поведением, считая их самыми важными для возрождения традиции и приведения их в соответствие с тем, что им кажется нормативным и приемлемым.

Они интерпретируют консерватизм и приверженность тому, что им кажется «традиционным», исходя из идеи универсальных поведенческих норм, или, другими словами, пытаясь возродить некий общий стандарт поведения, с которым они выросли в советское время, касающийся не только сексуальной, но национальной и религиозной идентичностей. Многие политики, во главе с Путиным, считают российские неудачи в экономической сфере и недавние внешнеполитические проблемы результатом коллапса определенной системы ценностей, унаследованной от советских времен (Prozorov 2005; Trenin 2010). Возрождение именно этих ценностей стало важной частью текущей программы, направленной на регулирование идентичностей большей части российского общества.

Первые «восстановительные» меры стали заметны в 2006 г., когда местный законодательный орган Рязанской области ввел запрет на то, что они обозначили как «пропаганда гомосексуализма». Данная инициатива, которую сначала никто серьезно не воспринимал, получила поддержку в других регионах и превратилась в федеральный запрет пропаганды теперь «нетрадиционных сексуальных отношений». Само название отсылает нас к политкорректному обозначению гомосексуальности, распространенному в советские времена. Обосновывая свою позицию защитой прав детей, особенно права на здоровье и психическое, духовное и нравственное развитие, законодатели не сочли данный запрет нарушением прав ЛГБТ. Здесь была использована техника юридической интерпретации ст. 55 п. 3 Конституции РФ:

Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Особенностью данной техники выступает избирательность интерпретации, поэтому ее можно назвать «избирательной интерпретацией правовой нормы». В данном случае, законодатель намеренно выбрал цитирование ст. 55 п. 3 без принятия во внимания пп. 1 и 2 данной статьи:

1. Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.
2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

То есть законодатель решил выборочно применить только п. 3 статьи, который приобретает совершенно другое звучание бес учета пп. 1 и 2. Однако в российской правовой системе такая ситуация возможна, так как судьи вообще не должны интерпретировать норму права, а лишь следовать ей. Таким образом, возникает ряд возможностей для ре-интерпретации через

избирательность нормы в собственных целях, особенно для тех, кто находится в позиции власти.

Второй составляющей рассматриваемой консервативной теории права выступает фокус на охранительной функции права. Право выступает в данном случае в качестве инструмента защиты (прав, собственности, семьи, детей, религии), теряя свои регулятивные функции. Защитная функция права понимается как охрана от чего-либо нежели охрана для чего-либо. Это особенно заметно в недавних изменениях в Семейном кодексе РФ, а также в принятии так называемого закона «Димы Яковлева» – все законодательные инициативы направлены на защиту от «другого» или иностранного влияния, которое видится «чуждым» традиционным русским ценностям.

Защита семьи становится важным политическим актом для правительства, которое рассматривает ее как в контексте демографической ситуации, так и в контексте опасений по поводу изменений в системе ценностей, ответственной за которые является семья. В предыдущей части был дан анализ неудачной попытки по продвижению реакционной концепции семейной политики. Помимо этого, законодатели пользуются охранительной функцией права для продвижения традиционной семьи (как гетеросексуального союза) посредством внесения изменений в Семейный кодекс и другие законы и подзаконные нормативно-правовые документы. Данный метод протаскивания непопулярных изменений в нормативно-правовые акты, которые уже давно существуют и в которые можно внести изменения, не привлекая особого внимания, то есть, например, в Семейный кодекс, или концепции государственной политики в определенной сфере, можно назвать «техникой косвенных поправок». С помощью данной техники практически любая неконституционная норма может быть включена в текущее законодательство.

Семейный кодекс изначально относился к совместному ведению РФ и субъектов РФ, это означает, что последние могут вносить изменения в СК в рамках своей юрисдикции. Некоторые субъекты с переменным успехом воспользовались совместным ведением для внесения изменений, что часто касалось возраста вступления в брак. Однако самые серьезные изменения наступили в связи с введением запрета пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений» в ст. 127 и 146, регулирующих устройство детей, оставшихся без попечения родителей. Теперь открыто запрещается усыновление детей гомосексуальными парами, чей брак был заключен официально (N 167-ФЗ). Эти изменения были направлены на предотвращение возможности усыновления однополыми парами, брак которых был зарегистрирован в стране, признающей однополые браки. Законодатели опирались на ст. 166 и 167 СК, по которым уже существовала устойчивая судебная практика по непризнанию решений иностранных судов по поводу опекуна в отношении усыновленных

за границу российских детей. Данные изменения также опирались и на совершенно незаметные изменения в ст. 153, внесенные в 2008 г., и касающиеся усыновителей. Согласно им, только состоящие в законном браке пары могут усыновлять детей (N 49-ФЗ). Таким образом, первые попытки по продвижению традиционных ценностей начались с ограничения на усыновление только зарегистрированными союзами, то есть приемная семья конструировалась на основе определенного семейного идеала, официально благословленного гетеросексуального союза, который только и мог обеспечить усыновленным детям «полную реализацию их прав», по мнению властей.

Воспитание детей как будущих борцов за традиционные ценности нашло свое отражение и в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования от 2012 г., согласно которому, «портрет выпускника школы» должен включать любовь к Родине и уважение к духовным ценностям своего народа, осознание и принятие традиционных ценностей семьи и российского гражданского общества, а также осознанное выполнение и пропаганда правил здорового, безопасного и экологически целесообразного образа жизни (Приказ Минобрнауки от 17 мая 2012 года N 413:1.5). Это смешение традиционных (семейных) и новых (гражданских и экологических) ценностей отражает суть сложившейся в России ситуации в отношении социальной политики и мнения правящей элиты: традиционные ценности, как они их видят, не являются традиционным по своей сути, скорее они приспособлены к современной ситуации текущей модернизации ценностной системы российского общества, направленной на защиту идентичности и стабильности, с одной стороны, и на дальнейшую модернизацию и развитие, с другой.

(Нео) консерватизм в действии? Вместо заключения

Россия находится в сложном поиске подходящей системы ценностей. Все описанные выше проблемы, страхи и противоречия отражены в целом ряде политических и законодательных инициатив российского правительства, предпринятых в последнее десятилетие. Внимание правящей политической элиты к традиционным ценностям, понимаемым как исторически присущие российскому обществу ценности в виде семейных ценностей, свидетельствует о поиске такой идентичности, которая балансировала бы между консерватизмом с охранительными мерами и необходимостью дальнейшего развития и модернизации. Кризис семьи, а многие в России считают, что он есть, используется в качестве изначальной предпосылки для восприятия других воображаемых и реальных кризисных явлений как единого целого, включая низкий уровень здоровья населения, демографический кризис, кризис идентичности, экономическое отставание и прочие. Именно здесь и встречаются частный и публичный порядок с целью подтверждения

модернистского восприятия концепции «настоящей» семьи как необходимого условия должного социального и политического развития. Семья и есть «малая республика» (или государство в миниатюре), которая обеспечивает государство человеческими ресурсами, то есть многочисленными здоровыми и просвещенными людьми, готовыми трудиться на пользу величия страны. Именно так российская правящая элита видит эти взаимосвязи. Таким образом, современная политическая ситуация скорее определяется как классический или традиционный модерн, так как основной целью все же является развитие, а не консервация.

Традиционный модерн выступает в качестве концепции, позволяющей объединить призывы к возвращению к традиции и развитию одновременно. Официально зарегистрированный гетеросексуальный союз с детьми или благополучная семья выполняют роль поддержки развития в виде обеспечения человеческими ресурсами, создания основы для благосостояния (в классическом понимании Адама Смита), с учетом прав человека и других гражданских ценностей, необходимых для инновационного экономического развития. Право используется в своей классической функции для обеспечения порядка. Текущие законодательные инициативы опираются на позитивистские методы юридической интерпретации, так как они не предполагают трактовки норм, а вместо этого призваны охранять и подавлять, то есть это методы, признаваемые наилучшими для обеспечения стабильности и гарантии власти. Данные подходы одновременно учитывают советское модернистское наследие и дореволюционное наследие просвещенного абсолютизма, что идеально соответствует современному патернализму и динамично развивающемуся патриархату.

Список источников

- Васильев А. *Охранительная концепция права*. М.: Юстиц-Информ, 2014.
- Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях*, 2013 // <http://goo.gl/rPNj7D> (дата обращения: 10.10.2014).
- Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. N 1618* // <http://goo.gl/4Y6M0p> (дата обращения: 10.10.2014).
- Лукьянова И. Откуда есть пошла духовные основы семейной политики // *Новая газета*. 14.08.2013 / <http://goo.gl/HJb3WR> (дата обращения: 10.10.2014).
- Миронов Б. Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003.
- Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. 10 (3): 323–342.
- Печерская Н. В. Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. 16 (4): 94–105.

Послание Президента Путина Федеральному Собранию РФ от 12 декабря 2013 года // <http://goo.gl/KLzRfY> (дата обращения: 10.10.2014).

Предложения по концепции Государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, 2013 // <http://goo.gl/m5bkls> (дата обращения: 10.10.2014).

Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.05.2012 г. N 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования» // <http://goo.gl/iCWMwu> (дата обращения: 10.10.2014).

Пушкарева Н. Л. *Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница*. М.: Издательство «Ломоносовъ», 2011.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // <http://goo.gl/eRx0UR> (дата обращения: 10.10.2014).

Фабрикант М., Магун В. Семейные ценности россиян и европейцев // *Demoscope Weekly*. 613–614 // <http://goo.gl/7xa2Oj> (дата обращения: 10.10.2014).

Федеральный закон от 24.04.2008 N 49-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об опеке и попечительстве"» // <http://goo.gl/JBEa7C> (дата обращения: 10.10.2014).

Федеральный закон от 02.07.2013 N 167-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // <http://goo.gl/PSQVND> (дата обращения: 10.10.2014).

Цагурова М. *Три века русского развода. XVI–XVIII вв.* М.: Логос, 2011.

Bronner S. J. The Meanings of Tradition: An Introduction // *Western Folklore*. 2000. 59 (2): 87–104.

Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

Freeze G. L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // *Journal of Modern History*. 1990. (62): 709–748.

Freeze G. L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge MA: Harvard University Press, 1977.

Harvey K. *The Little Republic. Masculinity and Domestic Authority in Eighteenth-Century Britain*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses: Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.

Inglehart R., Baker E. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. 65 (1): 19–51.

Loughlin M. *Foundations of Public Law*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // *Aspasia*. 2014. (8): 90–124.

Muravyeva M. "A King in His Own Household": Domestic Discipline and Family Violence in Early Modern Europe Reconsidered // *The History of the Family*. 2013. 18 (3): 227–237.

Muravyeva M. Between Law and Morality: Violence Against Women in Nineteenth-Century Russia // W. Rosslyn, A. Tosi (eds.) *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. Cambridge: Open Books Publishers, 2011: 209–238.

Prozorov S. Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of a Hegemonic Discourse // *Journal of Political Ideologies*. 2005. 10 (2): 121–143.

Raeff M. *The Well-ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven: Yale University Press, 1983.

- Schwartz S. Towards Refining Theory of Basic Human Values // S. Salzborn, E. Davidov, J. Reinecke (eds.) *Methods, Theories, and Empirical Applications in the Social Sciences*. Heidelberg: Springer, 2012: 39–46.
- Schwartz S. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries // M. Zanna (ed.) *Advances in Experimental Social Psychology*. New York: Academic Press, 1992: 1–65.
- Schwartz S., Bardi A. Influences of Adaptation to Communist Rule on Value Priorities in Eastern Europe // *Political Psychology*. 1997. 18 (2): 385–410.
- Sherstneva N. Why are Children's Rights so Dangerous: Interpreting Juvenile Justice in the Light of Conservative Mobilization in Contemporary Russia // M. Muravyeva, N. Novikova (eds.) *Women's History in Russia: (Re) Visiting the field*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014: 197–220.
- Steinmetz G. *Regulating the Social: The Welfare State and Local Politics in Imperial Germany*. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Temkina A., Zdravomyslova E. Gender's Crooked Path: Feminism Confronts Russian Patriarchy // *Current Sociology*. 2014. 62 (2): 253–270.
- Trenin D. Russia's Conservative Modernization: A Mission Impossible? // *SAIS Review of International Affairs*. 2010. 30 (1): 27–37.
- World Values Survey 1981–2014. Official Aggregate v.20090901 // *World Values Survey Association*. Madrid: ASEP/JDS, 2014.
- Wuthnow R. The Sociological Study of Values // *Sociological Forum*. 2008. 23 (2): 333–343.